

◆ 1-я Г. ИЗДАНІЯ ◆

ГАЗЕТА, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

◆ 1-я Г. ИЗДАНІЯ ◆

№ 19.

Воскресенье, 13 сентября, 1909 г.

Отдѣльный №—5 коп.

ВОСТОЧНАЯ ЗАРЯ

Выходить въ г. Иркутскѣ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ.

Отъ Передонова къ Творимой Легендѣ.

(О. Сологубъ. „Книга очарований“.
—СПБ. 1909. Изд. „Шиповн.“ Ц. 1 р.).

Для того, чтобы понять источникъ пессимизма Сологуба, необходимо обратиться къ той эпохѣ, которая родила и выкормила этого своеобразнѣйшаго современнаго писателя. Литературная фizioномія Сологуба сложилась въ эпоху реакціи, наступившей послѣ разгрома партіи „Народной Воли“. Въ 80-тыхъ годахъ (въ „Недѣлѣ“) появились первые стихотворенія Сологуба. А что это были за годы,—достаточно извѣстно. Катковъ приветствовалъ ихъ знаменитымъ восклицаніемъ:

— Господа, встаньте: правительство возражаетъся!..

И оно на самомъ дѣлѣ встало, это правительство, какъ бы рѣшившееся вычеркнуть изъ памяти восьмидесятниковъ и эпо-

ху великихъ реформъ, и 70-тые годы. И само общество, въ сущности,шло ему на встрѣчу. Вѣрнѣе, можетъ быть,—ждало его. Оно не вызвало борьбы и протеста. „Бездарное, во всякомъ случаѣ, чѣмъ то утомленное поколѣніе—писалъ покойный Евг. Соловьевъ—никуда и не хотѣло идти. Прибыль закончилась,—открылся голый песчаный берегъ“...

Печальна оказалась участь тѣхъ, кто провѣлъ въ эти годы свою молодость: они быстро состарѣлись, не успѣвъ расцвѣсти. Цѣнизмъ, расущенность, которыми опозорила себя литература тѣхъ дней, могутъ идти въ сравненіе лишь... съ нашимъ временемъ. То были годы, о которыхъ Некрасовъ сказалъ:

Бывали хуже времена,
Но не было подлей...

Если же припомнить, вдобавокъ, что вся общественная дѣятельность Сологуба протекала въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія, въ которомъ особенно ярко сконцентрировались всѣ отрицательныя, разлагающія черты реакціонной эпохи, то-общественный, по крайней мѣрѣ—источникъ пессимизма автора „Тяжелыхъ сновъ“ и „Мелкаго бѣса“ намъ будетъ ясенъ. Самъ Сологубъ объ этомъ пишетъ („Собр. стх.“, кн. 3 и 4):

На сѣрой кучѣ сора
У пыльного забора
По улицѣ глухой
Цвѣтеть въ походѣ мая,
Красою не прельщая,
Улыбай ветробой.
Въ скитаніяхъ ненужныхъ,
Въ страданіяхъ недужныхъ,
На скудной почвѣ зноя,
Внѣ свѣтлыхъ впечатлѣній
Безрадостный мой геній
Томительно расцвѣтъ.

И чѣмъ же подарилъ насъ этотъ томительно расцвѣтшій „безрадостный геній“?

Цѣннѣйшимъ и типичнѣйшимъ произведеніемъ Сологуба является романъ „Мелкій бѣсъ“, съ его собирательнымъ героемъ Передоновымъ. Собирательнымъ — потому, что и прочіе персонажи романа (какъ и многихъ другихъ произведеній Сологуба)—только Передоновы различныхъ калибровъ и стадій развитія. Различныхъ возрастовъ, половъ и общественныхъ положеній. Всѣ интересы Передоновыхъ сводятся къ обжорству, пьянству, разврату, мучительству и доносамъ. „Съ обычной въ нашемъ городѣ

грубостью къ слабымъ“—говоритъ Сологубъ—издѣвались обыватели надъ обманутыми Передоновымъ. „Ужъ у насъ такой городъ; сейчасъ донесутъ“,—говоритъ Передоновъ пріятелю, прятѣ Писареву и „Отечественныя записки“. Въ „нашемъ городѣ“ О. Сологуба всѣ пьютъ, даже женщины. Напившись, разекаываютъ похабные анекдоты и даже смѣютъ садическіе. Мужья бьютъ женъ, любовники любовницъ, плюютъ имъ въ фizioномію; родители бьютъ дѣтей, дѣти бранятъ родителей. Мажутъ дѣвушкамъ ворота дегтемъ, для чего навиваютъ за нѣсколько копѣекъ художниковъ. И надъ всѣмъ этимъ кошмаромъ властно паритъ голубой мулдарь и „Петровавлазка“, въ которой человѣкъ „могутъ живѣть смодолать на мельницѣ“.

На улицѣ Передоновымъ все представляется „враждебнымъ и злобѣющимъ“. Пріятель Передонова, Володя, оборачивается бараномъ, чтобы „слѣдить“.

Враги насмѣяютъ на трепещущаго Передонска цѣлую армію доносчиковъ. Въ концѣ концовъ ему ужъ начинаетъ казаться, что даже карты превращаются въ живыхъ людей, и что валетъ за нимъ подсматриваетъ. И Передоновъ истребляетъ карты. Но „рѣзючи королей, онъ озирается, чтобы не увидѣли и не обвинили въ политическомъ преступленіи“. Изъ страха передъ доносомъ Передоновъ и самъ становится доносчикомъ. „Среди томленія на улицахъ и въ домахъ, подъ этимъ отчужденіемъ съ неба, по вечной и безсильной землѣ“ шельъ Передоновъ къ прокурору и—томился неясными страхами...

Мучительство доставляетъ Передонову „вялое и тусклое удовольствіе“. О женщинахъ Передоновъ отзывался не иначе, какъ о „стервахъ“. „Жириенкую бы мнѣ“,—говоритъ онъ своему пріятелю Ругилову, предлагающему ему одну изъ трехъ своихъ сестеръ. „Любую возьми—не дасть заснуть“,—успокаиваетъ Ругиловъ и ведетъ его къ себѣ. И „самыя пріятныя мечты“ рождаются въ Передоновѣ, когда онъ думаетъ о барышняхъ Ругиловыхъ.

— „Паскудныя дѣтища его скуднаго воображенія“,—гнѣвно добавляетъ Сологубъ, не выдерживая своего наружно-объективнаго „бытописательскаго“ тона.

Таковы-то этотъ Передоновъ, таковы Передоновы. „Его чувства, говорятъ Сологубъ,

были тупы, и сознание его было раставляющимъ и умерщвляющимъ аппаратомъ. Все, доходящее до его сознанія, претворялось въ мерзость и грязь“...

Но Передоновъ для Сологуба—это не „типичный продуктъ эпохи безвременья“, и жертва и мучитель одновременно. И „Мелкій бѣсъ“—не бытовой романъ, и даже—не сатара. Нѣтъ, Передоновъ—это символъ, вся дѣятельность, по Сологубу,—передоновищина.

— Въ романѣ „Мелкій бѣсъ“, поднимающемся до высоты гоголевской силы изображенія,—говоритъ М. Морозовъ въ своей статьѣ „Передъ лицомъ смерти“,—„величайшая пошлость жизни рисуется спокойно и мертво, безъ тѣни сарказма, безъ улыбки, безъ малѣйшаго юмора, точно это надгробный памятникъ человѣчеству, точно прусскій педагогъ Передоновъ—символъ человѣческой обывденной жизни вообще...“

Но если такъ, то гдѣ же выходъ для человѣчества? Гдѣ выходъ для живой и яркой, полной блеска, жизни?

Выхода этого нѣтъ. Т. е. есть выходъ, но выходъ этотъ—смерть. Да, только смерть. Одна она возвышаетъ человѣка надъ пошлостью земной жизни и, освобождая его отъ тѣнной оболочки, уводитъ въ иную міры, гдѣ нѣтъ ни тѣни, ни рабовъ необходимости.

— „Но что бы то ни было,—говоритъ одинъ изъ маленькихъ героевъ Сологуба („Жало смерти“).—какъ хорошо, что есть она, освободительница смерть“!..

Недаромъ, изъ шести рассказовъ, вошедшихъ въ сборникъ „Жало смерти“, въ трехъ—четыре кончатся самоубійствомъ, въ одномъ—дѣтское убійство, въ одномъ—естественная смерть, и въ одномъ лишь мальчикъ ходитъ на „краю могилы, но удерживается и возвращается вяло и неуверенно къ жизни... Смерть, смерть и смерть.“

Освободительница смерть, смерть-примирительница...

Подъ незнающимъ жалости перомъ нѣкоторыхъ прямолинейныхъ критиковъ (называть ихъ лишній разъ было бы скучно) Сологуба постигла печальная участь другаго художника-восьмидесятника, Чехова. Литературные персонажи обоихъ были произвольно отождествлены съ ихъ авторами. Больше того,—Чеховъ оказался пѣвцомъ

80-тых гг., а Сологубъ—аполотетомъ передовошчыны. Прямолінейныя критики проглядѣли только одно: у Чехова—его тоску, у Сологуба—его неожиданныя срывы съ коварно-объективнаго тона, напоминающіе лирическіе срывы же Гоголя. Одинъ изъ такихъ критиковъ, впрочемъ, и самыя-то срывы эти взялъ подъ подозрѣніе: глаза, моль, отводить! Но... для недреманной прямолінейности на какіе художественныя законы не писаны!

Аналогію между Сологубомъ и Чеховымъ можно бы провести и далѣе. Произведенія обоихъ въ сильной мѣрѣ проникнуты пессимизмомъ (и пессимизмъ и скептицизмъ нынѣ объявлены мѣщанствомъ). Замѣтное оживленіе въ низахъ и въ обществѣ, начавшееся въ 1902 году, не прошло безслѣдно для Чехова. Больной художникъ отозвался на него своей, такъ поразившей публику, „Невѣстой“. И критика заговорила о поворотѣ Чехова въ сторону художественнаго претворенія жизненнаго свѣтлаго. Увы, „Невѣста“ Чехова—это была послѣдняя улыбка умирающаго беллетриста; и мы не знаемъ, согрѣла ли бы раненное сердце художника въ дальнѣйшемъ наша русская дѣятельность, или, отравленный эпохой мрачнаго удушья, онъ оказался бы безсильнымъ освободиться отъ единственнаго положительнаго героя своихъ писаній—Тоски...

Революція отразилась на мрачныхъ разсказахъ О. Сологуба. Въ его „Истлѣвающихъ личинахъ“ смерть теряетъ свой безмысленный характеръ. Правда, эта смерть не за жизнь, а смерть для смерти, но—съ пртестомъ и вызовомъ кровожадному и порочному міру.—„Если бы я зналъ все это, ни за что я не хотѣлъ бы быть человекомъ“,—говоритъ маленькій пролетарій Гриша въ „Рождественскомъ мальчикѣ“.

— Пойти бы всѣмъ вмѣстѣ, дошли бы до такого мѣста, гдѣ земля новая и небо новое, и левъ свирѣпый не бусаетъ, и мѣшъ скорпейка не жалитъ...

Не правда ли, какъ удивительно напоминаютъ эти дѣтскія мечты маленькаго героя Сологуба такіе же почти дѣтскія мечты покойнаго Чехова о социализмѣ „лѣтъ черезъ двѣсти“, или астровскія мечтанія о насажденіи деревьевъ?!

Но это все же—не безоблачная улыбка умирающаго Чехова...

Ничто вроде подобной улыбки можно было бы взглянуть въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ сборника „Родина“ и въ „Политическихъ сказочкахъ“, поражающихъ прежде всего необыкновеннымъ богатствомъ гнѣба, живого и яснаго языка. Но и въ сборникѣ „Родина“—лучшія стихотворенія это тѣ, гдѣ чувствуется привкусъ смерти. Таково, напр., удивительное по глубинѣ, проникновенности и теплотѣ стихъ „Искали дочь“ (точно заглавія сейчасъ не помню) и друг.

Реакція съ ея кошмаромъ слугнула сладкія мечты воскресшаго, казалось бы, для новой, яркой жизни восьмидесятника. Да и многихъ ли изъ нашихъ художниковъ, отдавшихъ дань всеобщему подъему, не обезкрылила реакція? А то, что именно Сологубъ поддался ей однимъ изъ первыхъ,—это такъ понятно!

Въ мечтахъ и сказкахъ его душа цѣбла...
Въ тоскѣ туманной болныхъ долинъ
Его подругой была ночная мгла...
Она влетала въ его мечты
И зной, и холодъ—отравныя злыхъ болотъ,
Очарованье безъ красоты!
Твоимъ оковы никто не разорветъ...

„Отравы злыхъ болотъ“ оказалась сильнѣе того новаго, что успѣла внести въ жизненное Сологуба революція. Но она не вытравлила изъ души поэта мучительной жажды исканія выхода. И если прежде единственнымъ выходомъ изъ смрадной передовщины Сологубу представлялась смерть, то теперь, послѣ революціи,—и тѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе,—поэтъ... стремится уйти отъ непримиримой дѣйствительности въ „чарованья сладкихъ вымысловъ“.

Не въ смерть, а въ „вымыслы“. въ мечту,—это не одно и то же. Какъ велика, однако, разница и какъ далеко это отъ истиннаго, жизнеутверждающаго творчества,—судить предоставляю читателю.

Въ попыткѣ найти выходъ, Сологубъ рѣшительно отрешивается отъ быта (послѣ того, какъ этотъ бытъ крѣпко стукнулъ, поголовь нынѣ растерявшихся романтиковъ-интеллигентовъ изъ дѣятелей революціи и художниковъ) и столь же рѣшительно, хоти и не очень горячо, садится за свою „Творимую Легенду“. И созданная Сологубомъ новая дѣйствительность пріятна уже тѣмъ, что поэтъ является въ ней властнымъ господиномъ и хозяиномъ. Такъ, напр., если казакъ (въ новой дѣйствительности безъ казаковъ не обошлось) занесетъ надъ головой творца

Легенды свою нагайку, послѣднему достаточно взглянуть въ глаза казаку проникновенно и внашающе, и тотъ застынетъ съверху поднятой нагайкой (см. конецъ 1-ой части „Творимой Легенды“—„Навыи чары“). Дѣйствительность, какъ видите, совсѣмъ ужъ не такая плохая, какъ это старались представить нѣкоторые критики.

Конечно, это правда, что, творя свою Легенду, Сологубъ привнесъ въ *теоретическую* дѣйствительность и кое-что изъ *старой* (какъ, напр., этихъ „тихихъ мальчиковъ“, и эту старческую „нагайку“ въ сценахъ обдуманныхъ ласкъ двухъ „соціал-демократовъ“, Тригорова и Алкиной, и это, наконецъ, мучительство, восстанавливающее передъ нами образъ Передонова), но злые критики забываютъ, что для „безрадостнаго генія“ 80-ыхъ годовъ, расцвѣтшаго „въ свѣтлыхъ впечатлѣніяхъ“, и этотъ выходъ былъ достаточно свѣтлымъ...

Еще далѣе по пути эволюціи отъ Передонова къ Творимой Легендѣ идетъ Сологубъ въ своей новой книгѣ, такъ мѣтко названной художникомъ „Книгой очарованій“. Читатель не раскается, прочитавъ эти прелестныя „новеллы и легенды“, проникнутыя дѣйствительнымъ очарованіемъ отравленной печалью, но и ищущей души. И самая идея книги, какъ ни далека она отъ подлиннаго жизнеутвержденія, безмѣрно дальше и отъ мрачной философіи умиранія. Новеллы книги—это лучшее, что можно дать отъ Передонова бѣгущій пессимизмъ.

Жажда чуда—основной моментъ невыдуманной скорби, несознанный порывъ всякаго честнаго пессимизма. Повѣрь—и будетъ чудо,—говоритъ художникъ-пессимистъ своей послѣдней книгой. Но—всей душой повѣрь, всей волей захоти. Отдайся весь мечтѣ. Желай, желай, и страсть твоя спалитъ всѣ грани, отдѣляющія жизнь отъ чуда. И скоро,—какъ когда-то вѣрующимъ спутникамъ благочестиваго рыцаря Ромуальда изъ Турени,—изъ мглы дали сверкнутъ тебѣ въ глаза золоченыя иглы Дамаскихъ минаретовъ, и подъ стѣнами этого славнаго города ты соединишься съ другими отрядами крестоносцевъ...

Н Чужакъ.